

УДК 7.01

Юрьева А.И.

Литературный институт им. А.М. Горького (г. Москва)

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ ЦВЕТА В АНТИЧНОСТИ

A. Yurieva

The Maxim Gorky Literature Institute (Moscow)

AESTHETIC PARADOXES OF COLOUR IN ANTIQUITY

Аннотация. В статье раскрыты и обоснованы следующие положения. Античность представляла стихии как ту или иную степень напряжения материи, эфира, идеи, и из этого следовал вывод, что цвета должны находиться в зависимости от типа элементов. Эмпедокл, Демокрит, Платон, Аристотель воспринимали цвет как тело, как вещество. Они не могли воспринимать цвет в его изолированной абстрактности, но всегда ощущала в нём то или иное трёхмерное тело. Красоту цвета античность выводила из своего понимания сущности красоты. Понятие цвета у философов античности и цвет в искусстве не соприкасались настолько близко, как в дальнейшей истории искусств.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, стихия, свет, философия античности, понятие цвета.

Abstract. Antiquity represented elements as a matter, ether or idea tensed to a certain degree, which led to a conclusion that colours should depend on the type of elements. Empedocles, Democritus, Plato and Aristotle perceived colour as a body or substance deriving the beauty of colour from their general understanding of beauty. Thus the concept of colour accepted by antique philosophers and the one used in art did not coincide as it was in the subsequent history of art.

Key words: Plato, Aristotle, element, light, ancient philosophy, the concept of colour.

Существенная часть эстетических теорий восприятия в любом объекте различает прежде всего форму и цвет. Роль цвета менялась на протяжении истории человечества. Плотин (III в.) в своих «Эннеадах» рассуждал, что такое Красота, и удивлялся, почему считают, что красота – это симметрия: «В самом деле, почти все утверждают, что красота производит симметрия частей друг относительно друга и целого...» [10, с. 226-230]. (Симметрия была неотъемлемой частью прекрасного в греческом сознании, признанная и Платоном, и Аристотелем.) Но в процессе рассуждения античный философ приходил к выводу, что «и прекрасные цвета, скажем, и солнечный свет – то, что существует просто и не из симметрии имеет свою красоту... И ночные молнии, и видимая красота звёзд... Простая же красота цвета осуществляется формой и властвует во тьме материи присутствием бестелесного света...» [10, с. 226-230]. Плотин соглашался с греческой традицией, которая утверждала, что красота – это прежде всего пропорциональность и симметрия, но он считал, что и цвет является неотъемлемой частью прекрасного. Но, может быть, отношение к цвету у античных философов было совершенно иным, они воспринимали цвет как тело, как вещество.

Эмпедокл (ок. 490 – ок. 430 гг. до н. э.) считал, что мир состоит из четырёх элементов: огня, земли, воды и воздуха [2, с. 51]. Четыре цвета – белый, чёрный, красный и жёлтый –

соответствуют этим четырём элементам. У Эмпедокла цвет огня – белый, цвет воды – чёрный, вернее, тёмный. Философ подробно описывал, что вода в верхней части белая, но, чем глубже, тем она становится темнее. Он отмечал, что верхняя часть воды взаимодействует со светом, на дне же вода чёрная, солнечный свет туда не проникает. Цвет Эмпедокл рассматривал не сам по себе, а вместе с телами, для которых характерен тот или иной цвет: «Цвета несутся к зрению истечениями» (цит. по: [8, с. 415]). Если огонь у Эмпедокла белый, а вода тёмная, чёрная, то земля – жёлто-коричневая, а воздух тогда – красный, но именно об этом и нет записей у философа. А.Ф. Лосев считал, что если учесть, что в природе существуют атмосферные явления, которые окрашивают небо, то можно согласиться с такой характеристикой.

Демокрит (ок. 470 или 460 г. до н. э.) обращался к вопросу цвета с атомистических позиций, для него цвет осязаемого предмета состоял из атомов, которые бесцветны. Важно то, что Демокрит характеризовал цвета с эмоционально-эстетических позиций: белый цвет – это гладкий цвет, белое не является шероховатым, не создаёт тени, прозрачно. «Ещё со времён античности белый цвет имел символическое значение «чистоты», отрешённости от мирского, устремлённости к духовной простоте» [3, с. 104]. Демокрит придавал большое значение твёрдости и мягкости белых предметов. Белые твёрдые предметы имеют одни атомы, белые мягкие – другие. Чёрное же противоположно белому и состоит из шероховатых, неровных и неодинаковых фигур. Красное – тёплое, более красные тела содержат меньше тепла. Жёлто-зелёное (chloron) состоит из смеси плотного и пустого. Под этим цветом греки подразумевали цвет созревающей нивы, когда она из зелёной становится жёлтой. «У Гомера это цвет мёда. Прочие цвета получаются из смешения простых. Теория смешения цве-

тов Демокрита вызывает сомнение. Античность задаёт задачи, которые вызывают неоднозначные решения. Например, золотистый, медный состоит из белого и красного. Блеск – от белого цвета, а красноватость – от красного. Пурпурный цвет – из белого, чёрного и красного. Наибольшая доля красного, небольшая часть – чёрного. Тёмно-синий у Демокрита состоит из «лазоревого и огневидного» [8, с. 491]. Демокрит мыслил тёмно-синий цвет состоящим из атомов круглых и «похожих на иголку, «чтобы чёрному тут было присуще сияние» [8, с. 491]. Философ утверждал, что благодаря смешению существует большое количество цветов и разных вкусовых качеств [8, с. 483]. Демокрит не просто всматривался в цвета, он прежде всего осязал их руками. А.Ф. Лосев отмечал, что античная теория цветов являлась важной частью античной эстетики. Белое и светлое есть гладкое и спокойное. Чёрное и тёмное – холодное и неровное. Красное содержит различные оттенки теплоты. Античная эстетика занималась больше всего не столько самим эстетическим принципом, сколько художественной действительностью, то есть той областью, где эстетический принцип уже осуществлён. Эстетический принцип Платона существовал в области действительности. Красота у философа являлась и умом, и душой, и телом, т. е. всем тем, что Платон как раз и считал действительностью [7, с. 570]. Цвета у Платона «являются самостоятельным идеальным, будучи вполне безотносительными в сравнении с окружающими предметами... поскольку причиной зрения, света и цветности является всемогущее и всезидательное солнце» [7, с. 583].

Для Платона естественные цвета реальных предметов являлись «идеальным предметом»: «... и они тоже находятся на небе и тоже обладают космическим характером» [7, с. 584]. Цвет для Платона проявляется в окружающих предметах, а следовательно,

обладает формой. Красоту цвета Платон выводил из своего понимания сущности красоты, а наивысшая красота заключалась в идее. Красивые цвета прекрасны сами по себе. Белый цвет – самый прекрасный, потому что наивысшим проявлением прекрасного в бытии является яркое и ясное. Таким образом, прекрасный цвет – это некое идеальное.

Свет в эстетике Платона являлся одним из самых центральных понятий. Свет – тончайшее вещество, в этом определении видны античные корни платонизма. Блеск и свет для Платона – одно и то же. Зрение он называл излучением света. Искусства существовали у него благодаря «светлейшему огню» Прометея. Платоновское учение о свете имеет мало общего с нашим представлением об этом предмете. Свет – это не обыкновенный физический свет, потому что солнце – это источник знания и бытия; это своеобразная символическая теория и символическое мышление, которое можно найти и в других античных представлениях, в представлении о хаосе, эфире, Эросе, дне и ночи и других космических образах.

Для Платона цвет – не просто окрашенность предмета, цвет несёт с собой дыхание жизни, настроение и выражает душевное состояние. Платон прибегал к цветовой характеристике комического переживания, он говорил, что удовольствия и страдания в комедии – темнее других удовольствий. Философ считал, что цвет является не бесформенным и обладает определенной фигурой. В идеальном государстве Платона не нужны никакие искусственно производимые цвета и краски. Зрение являлось совпадением *светоносности* глаз и объективного света, но Платон отмечал также и то, что у цвета есть своя собственная сущность, краски сами по себе ещё не есть прекрасное. Зрение – это чистое и ясное ощущение, поскольку причиной зренья, света и цветности является солнце. Целая гамма

цветов указана в характеристике платоновского учения в «Федоне» о небесной земле. Разными цветами обладают и все космические сферы – блестящий цвет для Солнца, отражённый для Луны и Земли, желтоватый для Сатурна и Меркурия, белый для Юпитера и красный для Марса. Самый красивый цвет – белый. Богам следует приносить белые ткани, так как им вообще подобает белый цвет. Таким образом, Платон в своих представлениях о цвете являлся сторонником античной идеалистической эстетики. Даже и в материальной области он признавал красивыми те цвета, которые являются естественными качествами тех или других предметов. Неопределённые, неяркие, ненасыщенные, легко смываемые и некрепко нанесённые на вещь цвета он считал безобразными. Однажды установив какой-нибудь естественный и насыщенный цвет, Платон начинал внимательно в него всматриваться, искал его сущность или смысл и любовался тонкостью игры цветов. Такие цвета для него оказывались тоже идеальным предметом, они тоже находились на небе и тоже обладали космическим характером. Эту причудливую смесь идеализма и материализма в оценке цветовых качеств вещей обязательно надо иметь в виду в отношении Платона к цветам.

Один из феноменов платоновского цветовидения – “стягивание” и “разрешение” в цветах (учение о белом и чёрном цвете как разрешении и стягивании цветности). Белый цвет представлялся Платону как наиболее растянутый, разрежённый; все же другие цвета мыслились в той или иной степени стянутыми или уплотнёнными. Белый цвет разрежён до того, что даже перестал быть цветом и превратился в нечто бесцветное. Эстетический факт разной светлоты или светлости цветов говорит сам за себя. Чёрный цвет, конечно, наиболее стянут, так что тоже перестал быть цветом.

Античные мыслители, в том числе Платон, не могли воспринимать цвет в его

изолированной абстрактности, но всегда ощущали в нём то или иное трёхмерное тело. Загадочным является учение Платона о воде. Для получения хроматического цвета то, что он называет «огнём», должно пройти не через «белое» или «чёрное» и не через какую-нибудь вообще среду, но через «воду». Платон чувствовал специфичность среды, необходимой для прохождения единого светового луча в случае хроматических цветов.

Платон дал описание отдельных хроматических цветов. Огонь, возникающий наподобие молнии, но не гаснущий в воде, смешивающийся с нею, даёт цвет крови, багровое, красное. Тут Платон не описывал только того важнейшего обстоятельства, что красное видится нами со стороны прозрачной среды, через которую идёт белое (огонь) в обратном направлении, в то время как по линии луча, уходящего в эту среду, мы получили бы уже не красное, но голубое. Итог учения Платона – в «Тимее»: «... уместнее и нужнее всего надлежащим образом сказать о цветах. Те частицы, которые несутся от других тел и сталкиваются со зрительным лучом, бывают либо меньше, чем частицы последнего, либо крупнее, либо такой же величины. Те, что имеют такую же величину, неощутимы, и мы называем их прозрачными. Напротив, те, что больше, сжимают зрительный луч, а те, что меньше, расширяют его, и действие их можно сравнить с действием холодного и горячего на нашу плоть, а также с действием терпкого и обжигающего... Это – белое и чёрное, то есть впечатления, рождённые в иной области чувств, чем только что перечисленные, и потому кажутся иными, но на самом деле тождественные им. Так мы и назовём их: «белое» – то, что расширяет зрительный луч, «чёрное» – то, что его сужает. Когда же огонь иного рода, несущийся более порывисто, ударяет в зрительный луч, проникает его до самых глаз, насильственно разверзает глазные проходы

и разжижает их вещество, он заставляет излиться оттуда весь тот огонь и воду, что мы называем слезами. Поскольку же с двух сторон встречаются два огня, причём один с молниеносной силой бьёт из глаз, а другой входит в глаза и там угасает от влаги, из их смешения рождаются всевозможные цвета; это называют переливами, а тому, чем вызвано такое состояние, дали имена блестящего и сверкающего» [9, с. 512-513].

Понимание всех этих соединений значительно облегчается, если принять во внимание, что цвет для древних был той или иной цветной вещью, цветным трёхмерным телом. «Кровь», «порей», «сталь», «море», «небо» и т. д. – вот что мы забываем при обсуждении античного, и в частности платоновского, восприятия света и цвета. Античное цветоведение несомненно связано с мировоззрением античного человека» [7, с. 588-590]. Если вернуться к античному цветоведению, как оно дано у Демокрита и в платоновском «Тимее», то можно сказать, что понимание цветности в античности – это понимание всякого цвета как прежде всего трёхмерного тела, и не только как трёхмерного тела, но и как всех его телесных же функций.

Платон сам занимался живописью, и, по его мнению, живописцы должны изображать предметы настолько буквально, «чтобы на картине появлялись изображаемые вещи в подлинных размерах и в их подлинных физических соотношениях» [6, с. 170]. Здесь видно, что Платон принцип искусства сводил к механическому изображению. Он не учитывал, что в зависимости от субъективного взгляда живописца изображение вещей тоже оказывается субъективным. Но именно Платон делал акцент на эстетическом отношении к цвету, цвет у него – прежде всего элемент гармонии и красоты.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) писал: «Все люди от природы стремятся к знанию. Свидетельством тому – (наша) привязан-

ность к чувственным восприятиям: помимо их пользы, восприятия эти ценятся ради них самих, и больше всех то из них, которое происходит с помощью глаз: ибо мы ставим зрение, можно сказать, выше всего остального, не только ради деятельности, но и тогда, когда не собираемся делать что-либо. Объясняется это тем, что чувство зрения в наибольшей мере содействует нашему познанию и обнаруживает много различий (в вещах)» [1, с. 19]. Свои представления о цвете Аристотель связывал с «метафизикой» света и считал, что свет – это нематериальное, идеальное, невидимое, абсолютно невидимая материя, прозрачная. Для Аристотеля прозрачность в бесконечной степени – это свет, прозрачность в конечной степени – цвет. Представление Аристотеля о цвете основано на диалектике идеального и материального, а основные цвета неотделимы от свойства стихий, земли, воздуха, воды, огня. Земле, воздуху и воде соответствует белый, огню – жёлтый; чёрный цвет возникает при переходе одной стихии в другую. Остальные цвета происходят от смешения этих основных цветов и света.

«У способности зрения – процесс видения, и помимо этого процесса от способности зрения не получается никакого другого результата; а в некоторых других случаях что-нибудь подобное получается, например, в результате строительного искусства – дом [1, с. 159] <...> Олово подобно серебру, поскольку оно – белое, а золото подобно огню, поскольку оно жёлтое и красноватое» [1, с. 169]. Прекрасные цвета у Аристотеля – красный и фиолетовый (пурпурный).

В трактате «О цветах» Аристотель выяснял причины образования той или иной окраски в предметах живой и неживой природы. В связи с этим труд Аристотеля представляет интерес для истории эстетики. Здесь представлена одна из ранних попыток отыскания закономерностей в од-

ной из главных областей чувственного восприятия.

Гёте считал, что «под именем Аристотеля мы можем собрать всё, что было известно древним по этому предмету» [4, с. 146].

Из трактата «О цветах» можно получить картину взглядов автора на цвет и установить принципы античного цветоведения. Античный способ мышления заставлял автора не отделять рассмотрение вопроса о цвете от описания тех физических тел, которые служат носителями цвета. Телесные и осязательные аналогии свойственны для античности.

И Аристотель также связывает цвета со свойствами стихий: земли, воздуха, воды и огня. Что такое стихии, с которыми у философа связаны основные цвета? Стихии есть степень напряжения материи. Досократики говорили о сгущении и разрежении. Платон видел в них пример числовых отношений. Вся античность представляла стихии как ту или иную степень напряжения материи, эфира, идеи. И отсюда видно, что цвета должны находиться в зависимости от типа элементов, цвет есть известного рода напряжённость. В цвете два главных плана: свет и тьма. Они находятся в состоянии активного противоречия или борьбы. «В жёлтом или красном свет, напряжённо преодолевая тьму, является наступающим началом; в синем он уходит вдаль, в зелёном оба противоречивые начала находятся в состоянии мира, покоя, равновесия» [5, с. 302].

Аристотель начинал с установления различия между цветами простыми и составными, или смешанными. Простыми цветами он признавал три цвета: белый, чёрный и жёлтый. Эти цвета присущи стихиям. За исключением огня, все стихии белые. В трактатах Аристотеля «О душе» и «О чувственном восприятии» вода и воздух прозрачны, то есть бесцветны, а в трактате «О цветах» вода и воздух являются носителя цвета. «Земля хотя по природе и бела, но

вследствие проникновения в неё окрашивающих веществ бывает многоцветной» [5, с. 309]. Четвёртая стихия – огонь – имеет жёлтый цвет. «Золотистый цвет получается, когда сильно сияет сгущённый жёлтый и солнечный» [5, с. 310].

Возникает вопрос: откуда же берётся третий простой цвет – чёрный? Чёрный цвет есть цвет, и не должен быть принимаем за темноту. *Чёрный цвет именуется цветом, в отличие от темноты, которая не имеет цвет.* А.Ф. Лосев отмечал, что ни Демокрит, ни Платон не дали теорию цветов в такой форме.

У Аристотеля цвет есть система двух борющихся сил: света и тьмы. «Победа света над его инобытием – в той или иной степени внутренней пронизанности им этого инобытия. Это и есть цвет» [5, с. 304].

В трактате «О душе» философ рассуждал: «Итак, видимое есть цвет. Он находится на поверхности того, что видимо само по себе. Слова «само по себе видимо» нужно брать не в логическом смысле, а поскольку по себе видимое в себе самом заключает причину, почему оно видимо». Следовательно, свет видим сам по себе, цвет же виден через свет; свет наличен в цвете, но не в смысле своего непосредственного содержания (тогда ведь и был бы просто свет, а не цвет), но в смысле принципа, впервые делающего возможным существование цвета. Аристотель здесь же продолжал: «Подобно тому, как слух и любой орган чувств может быть направлен на слышимое и неслышимое, зрение – на видимое и невидимое» [5, с. 304].

Тема энергии цвета Аристотеля сходна с платоновским учением о стягивании и разрежении среды проходящим по ней белым цветом. Но у Платона эта теория не столько теория, а лишь случайное наблюдение. Воздействие на органы чувств – в частности на глаза – возможно, по Аристотелю, только через соприкосновение. Прозрачной средой, служащей для передачи цвета от пред-

мета к глазу человека, является воздух. Как и Демокрит, Аристотель – во власти физических представлений.

О зелёном цвете Аристотель писал, что он присущ всему, рождаемому землёй. Застоявшаяся вода всегда бывает сначала жёлто-зелёной, смешиваясь с солнечными лучами. Озеленение влаги под действием лучей солнца объясняется смешением жёлтого и чёрного, которое и даёт зелёный цвет [5, с. 317-318]. Здесь играют роль условия, при которых происходит смешивание чёрного с жёлтым. В жёлтом цвете есть две возможности: в направлении красного, через оранжевое, и в направлении к зелёному – через бледное жёлто-зелёное. Пурпуровым становится воздух, когда солнце приближается к закату или восходу. Этот же цвет, отмечал Аристотель, мы видим в море, когда поднимающиеся волны затеваются собственным изгибом. Когда в эти изгибы попадают слабые лучи солнца, появляется фиолетовый цвет.

У Аристотеля нет разницы между хроматическими и ахроматическими цветами. Серое есть результат смешения белого и чёрного, но и фиолетовое получается в результате смеси белого и жёлтого, так в первом случае белое освещает и затемняет извне, а во втором свет входит во внутреннюю конституцию цвета. Случайные физические явления переносятся на смешение их цветов и на самые тела – это обычный метод древних.

А.Ф. Лосев отмечает, что в аристотелевских сочинениях о цвете постоянно чувствуется мысль о художественной, или эстетической значимости цветовых сочетаний. Значение пропорциональности цветов подчёркивается по аналогии с музыкальными созвучиями. В трактате «О душе» читаем: «Если какие-нибудь звуки создают созвучие, звук же и слышание звука – отчасти одно, а отчасти не одно и то же, созвучие же есть некоторая соразмерность звуков, то необходимо, чтобы и слы-

шимое было соразмерностью. В области цвета происходит то же: зрение подавляется слишком ярким или слишком тёмным. Поэтому и приятны бывают вообще предметы чувствования, когда, будучи чисты и беспримесны, сохраняют свои соразмерности... Вообще же смешанное является в большей мере созвучным, чем высокое или низкое. Выходящие за пределы соразмерности или причиняют боль, или действуют разрушительно» [5, с. 323]. Все эти суждения Аристотеля присоединяются к общегреческой эстетической традиции.

Эстетика Аристотеля основана на учении о присутствии идеального в самом же материальном. Идеально чистый цвет только и присутствует в тех материальных цветах, которые мы чувственно воспринимаем.

Философию и эстетику Аристотеля можно назвать символической. Каждая вещь у него имеет свою идею. И всякая такая идея не может находиться вне самой вещи, но только – в ней самой. У Аристотеля получается, что вещь не существует вне осмысливающей её идеи, а идея вещи нигде не существует вне самой же этой вещи, которая данную идею осуществляет. Аристотель создал цветовую систему, включающую семь цветов: линейная последовательность изменения цветов в течение суток от белого до чёрного, между которыми располагается пять цветов от бело-жёлтого, алого, пурпурного до зелёного и тёмно-синего. Эта система оставалась основополагающей до 1666 года, до открытия Ньютона.

А.Ф. Лосев подчёркивал эстетический характер цветовых учений античности, но отмечал, что в эпоху античности цвета извлекались из общей картины мира и овеществлялись. Античные представления о цвете были по большей части материалистичными. Свет и его производная – цвет – играли важную роль в античной философии, но эстетическое значение цвета было мало заметно за такими понятиями, как гармония, мера, соразмерность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Метафизика / Пер. с древнегреч. А.В. Кубицкого. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – 348 с.
2. Боров Ю.Б. Эстетика / Юрий Боров. – М.: Русь-Олимп: АСТ: Астрель, 2005. – 829 с.
3. Бычков В.В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. – М.: Искусство, 1977. – 199 с.
4. Гете И.-В. Избранные философские произведения. – М.: Наука, 1964. – 520 с.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: Искусство, 1975. – 776 с.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. – М.: Искусство, 1974. – 598 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: Искусство, 1969. – 715 с.
8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. – М.: Высшая школа, 1963. – 583 с.
9. Платон. Тимей / Пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева/ общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса: в 3-х т. – Т. 3. – Ч. 1 / Ред. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1971. – 687 с.
10. Плотин. Первая Эннеада / Пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша, Р.В. Светлова. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. – 320 с.